

0-791898

На правах рукописи

Каримова

Каримова Елена Сергеевна

«ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПОВЕСТИ» Н.В.ГОГОЛЯ: ПОЭТИКА ЖАНРА

10.01.01 – русская литература

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук**

Самара – 2011

Работа выполнена в Оренбургском государственном
педагогическом университете

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Сысоева Нина Петровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Кривонос Владислав Шавевич
кандидат филологических наук, доцент
Соловьева Лариса Александровна

Ведущая организация: Ульяновский государственный
университет

Защита состоится «8» декабря 2011 года в 12 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.218.07 в зале заседаний Ученого совета ГОУ
ВПО «Самарский государственный университет» по адресу: 443011, г. Самара,
ул. Академика Павлова, 1.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Самарского
государственного университета.

Автореферат разослан «7» ноября 2011 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000710643

Ученый секретарь
диссертационного совета

Карпенко

Карпенко Г.Ю.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Возрастающий интерес к феномену личности и творчества Н.В.Гоголя во многом обусловлен острым ощущением эстетической уникальности, неиссякаемой, ошеломляющей новизны и неисчерпаемости смыслов созданного им художественного мира. Слово писателя многомерно, в нем заключено пространство смысла. В этих условиях перед современным исследователем стоит задача максимально приблизиться к разгадке феномена гоголевского текста, попытаться проникнуть в потаенные углы художественной лаборатории писателя и вместе с тем «лаборатории духа» (С.Т.Аксаков), чтобы обнаружить механизмы и условия смыслообразования в произведениях Н.В.Гоголя, определить «пути приращения и трансформации заключенного в них смысла, пути раскрытия и развертывания присущего им смыслового потенциала» (В.Ш.Кривонос).

Одним из ведущих направлений в современном гоголеведении становится изучение авторского текста с точки зрения установления соотносительности между «смыслом и формой» (Ю.В.Манн). Между тем обращение к поэтике жанра «Петербургских повестей» в науке имеет локальный характер. В связи с этим в гоголеведении назрела необходимость создания целостного научного подхода к определению жанровой специфичности «петербургской» повести писателя как самого подвижного и сложного в своей динамике жанра.

В соответствии с этим **актуальность** настоящей работы определяется стремлением систематизировать научные концепции, продуктивные в отношении исследования истории и теории жанра, складывающиеся как в академическом, так и в религиозном гоголеведении и литературоведении в целом, и вычлнить теоретический базис, позволяющий с максимальной результативностью изучить на примере поэтики жанра «Петербургских повестей» Н.В.Гоголя процесс жанропреобразования, связанный с активизацией, расширением и универсализацией жанровых возможностей повести как глубоко самобытной для русской культуры эпической формы.

Объектом исследования явился текст петербургского сборника, который представлен повестями «Невский проспект», «Нос», «Шинель», «Записки сумасшедшего», «Портрет», в контексте всего творческого наследия писателя: поэмы «Мертвые души», итоговой книги писем «Выбранные места из переписки с друзьями», эпистолярная, публицистики (статьи из сборника «Арабески», «Мысли о географии», «О преподавании всеобщей истории», «Учебная книга словесности для русского юношества») и теософских трудов («Правило жития в мире», «Размышления о Божественной литургии») Н.В.Гоголя.

Предметом исследования стала поэтика жанра «Петербургских повестей» Н.В.Гоголя. Данный предмет предопределил в настоящей работе постановку и решение целого комплекса проблем: установление жанровой специфичности повести Н.В.Гоголя, раскрытие концепта «цивилизация» и выявление сущности гоголевской антропологии на фоне активизации процесса жанропреобразования, изучение роли заголовочного комплекса и антропонимии в оформлении жанрового единства повестей, рассмотрение

композиционной и цикловой организации петербургского сборника.

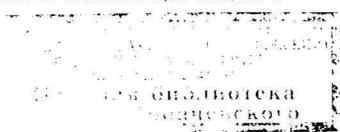
Цель диссертационного исследования – описать, исследовать и систематизировать элементы поэтики «Петербургских повестей» Н.В.Гоголя с точки зрения их функциональной выраженности и включенности в процесс жанропреобразования.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

- 1) обобщить теоретические сведения, связанные с определением жанровой специфичности «Петербургских повестей» Н.В.Гоголя для нахождения наиболее эффективных в современной науке путей решения этой проблемы;
- 2) исследовать основные мотивы, традиционные, «вечные» образы, сюжетные схемы и семиотические модели, организующие пространственно-временной миропонимание, влияющие на создание образа человека, обуславливающие повествовательные роли автора и ключевые жанровые стратегии, реализующиеся в гоголевском тексте;
- 3) проанализировать формы выражения авторского сознания, в том числе такие рамочные, надтекстовые элементы, участвующие в процессе жанропреобразования, как заголовочный комплекс и антропонимика;
- 4) рассмотреть специфичность цикловой организации гоголевского сборника и природу его композиционного единства с целью установления концептуальной и жанровой целостности «Петербургских повестей» Н.В.Гоголя;
- 5) выявить жанровую иерархию, складывающуюся в полижанровом пространстве повести;
- 6) описать процесс взаимодействия и трансформации жанровых элементов, определяющих динамику саморазвития жанра «петербургской» повести писателя.

Степень разработанности проблемы. Первым значительным откликом на «Петербургские повести» Н.В.Гоголя стала статья В.Г.Белинского «О русских повестях и повестях г. Гоголя», в которой критик назвал гоголевскую повесть «формой времени», указав на то, что она стремится к реализации искомой жанровой сущности («листок, вырванный из романа»), «энтелехии» (С.С.Аверинцев) романа. В целом в критике XIX века складывались часто содержательные, но односторонние трактовки поэтики гоголевского жанра. Сегодня эти изыскания могут быть восприняты в силу их категоричности только со значительными уточнениями и представляются убедительными при раскрытии одной из составляющих сложного художественного мира гоголевской формы: нравственной (Ап.Григорьев), эстетической (А.В.Дружинин) или остросоциальной (Н.Г.Чернышевский) соответственно, поскольку иные аспекты в данных критических манифестах отрицаются или игнорируются.

Следующая значительная попытка раскрыть тайну гоголевской формы принадлежала символистской критике, которая обратилась к исследованию иррациональной, мистической, таинственной составляющей жизни и

творчества Н.В.Гоголя.

«Гением формы» впервые писатель предстал в работах В.В.Розанова. Совершенная форма, полагал критик, в поэтике Н.В.Гоголя буквально поглотила содержание. Ряд существенных и своевременных заключений в области поэтики жанра писателя были сделаны А.Белым, который отметил, что в произведениях Н.В.Гоголя «форма и содержание рождены формосодержательным процессом». В основании гоголевской формы и образа, по мысли критика, — ломаная линия, асимметрия, синкопа, «динамика изворотов». Эти открытия приобретают сегодня особое значение при исследовании поэтики «Петербургских повестей».

В соответствии же с изысканиями религиозно-философской критики рубежа веков в «петербургском» тексте миру явилась мистерия современности, явился «путь обращения ко Христу» (Н.В.Гоголь). Писатель, в своих воззрениях предвосхитив и отчасти предопределив философские поиски Д.С.Мережковского, Н.А.Бердяева, Г.П.Флоровского, Л.П.Карсавина, Н.О.Лосского и других религиозных мыслителей XX века, предъявлял высокие требования к русскому человеку, веря в его великое предназначение в восстановлении в мире Абсолютного добра. Этот аспект поэтики Н.В.Гоголя детально разрабатывается как академическим, так и христианским гоголеведением (С.А.Гончаров, В.И.Мильдон, Е.И.Анненкова, В.А.Воропаев, В.И.Тюпа, В.Ш.Кривонос, А.Х.Гольденберг и др.).

Актуальное звучание при исследовании поэтики «петербургской» повести имеют недооцененные идеи И.Анненского, зародившиеся в лоне символистской традиции и претендовавшие на раскрытие глубинной основы гоголевского образа и формы. По мысли критика, «высшая разумность и целесообразность» образов Н.В.Гоголя заключена в их особом «карающем идеализме». Бытие жанра повестей складывается, что убедительно доказывал И.Анненский, в стремлении «гения формы» преодолеть катастрофическое распадение человека на тело и дух и одновременно в осознании «абсурдности существа, которое соединило бы в себе нос и глаза, тело и душу».

Важным этапом в изучении «Петербургских повестей» Н.В.Гоголя стали в начале XX века работы русских формалистов. В частности Б.М.Эйхенбаум, указывая на «сказовую» природу гоголевского повествования, определил жанровую форму повестей как «воспроизводящий сказ», суть которого в том, что «за ним как бы скрывается актер («почти комедиант»), и сказ приобретает характер игры, а композиция определяется не простым сцеплением шуток, а некоторой системой разнообразных мимико-артикуляционных жестов». Однако чрезмерный формализм, определивший движение научной мысли в этих работах, выхолащивал гоголевский текст, лишал его той тайны, магии, которая была в известной степени гиперболизирована в работах символистов.

Среди работ, посвященных истолкованию сущности религиозно-этических исканий Н.В.Гоголя, думается, следует особо отметить книгу К.Н.Мочульского «Духовный путь Гоголя» (1934), сформировавшую основной настрой эмигрантской критики о писателе. Исследователь ставил целью своей работы оценку гоголевского творчества как религиозного подвига писателя.

«Патриархальная религиозность, окружающая его детство, осталась ему чуждой и даже враждебной. Вера должна была прийти к нему другим путем, не от любви, а от страха», – писал К.Н.Мочульский.

Едва ли можно согласиться с этой мыслью философа. Эсхатологизм – одна из составляющих сложной, внутренне динамичной мировоззренческой системы писателя. Увидев в современном мире опаснейшие для его судеб изломы и трагические деформации, Н.В.Гоголь жаждал веры и добывал ее крупницы в мире, теряющем духовные ориентиры, уверяя себя и своего читателя в том, что современный человек способен под влиянием христианской идеи духовно преобразиться.

Идеологизированные базовые положения советской науки о Н.В.Гоголе как социальном обличителе и сатирике были сформулированы в трудах Г.А.Гуковского, Н.Л.Степанова, М.Б.Храпченко, С.И.Машинского, Д.П.Николаева и др. Работы таких выдающихся исследователей, как Ю.М.Лотман, Ю.В.Манн, В.М.Маркович, посвященные поэтике «петербургской» повести и формы Н.В.Гоголя в целом, хотя и созданы в рамках советского литературоведения, во многом свободны от идеологических искажений и представляют сегодня наиболее убедительную, последовательную и объемную трактовку композиционно-жанровой специфичности гоголевской повести, образа автора, картины мира и человека, воплотившейся в тексте.

Созвучность «петербургского» текста Н.В.Гоголя рубежу XX-XXI веков во многом обусловлена усиливающимися в культуре и в обществе эсхатологическими, катастрофическими настроениями и ожиданиями, которыми пронизан гоголевский текст. Ученые отмечают, что в современном мире активизируются процессы духовной «инволюции» (И.Б.Роднянская), «духовной энтропии» (М.П.Виролайнен), процессы «выстывания бытия» (В.И.Мартынов).

В современном гоголеведении и литературоведении создана прочная база и перспективные направления для дальнейших изысканий в области поэтики «Петербургских повестей» писателя. Обоснованно актуализируется вопрос о роли гоголевского текста в преодолении того «категориального слома» (А.В.Михайлов), который ознаменовал начало послепушкинского периода русской литературы, и в формировании так называемой «новой русской прозы» (В.Ш.Кривонос, Ю.В.Манн, Ю.М.Лотман, А.В. Михайлов, Н.Д.Тамарченко, А.П.Янушкевич, Ю.В.Шатин). Основанием для суждений о жанровой специфичности гоголевской формы в работе служит как в целом внимание к вопросам теории и истории жанра, формы (М.М.Бахтин, Д.С.Лихачев, А.М.Панченко, С.С.Аверинцев, В.Н.Топоров, Г.Д.Гачев, И.П.Смирнов, Н.Л.Лейдерман, М.М.Гришман, Н.Д.Тамарченко), так и в частности обращение к вопросам сущности, истории и специфики функционирования жанра повести в русской литературе (М.О.Скрипиль, Е.К.Ромодановская, Н.Д.Тамарченко, И.В.Силагтьев, Ф.З.Канунова, Е.А.Сурков, А.С.Янушкевич).

Полижанровая природа «Петербургских повестей», что установлено в настоящей работе, рождается прежде всего в активном освоении ею жанрового потенциала т. н. «коротких нарративов» (И.П.Смирнов): притчи, анекдота,

новеллы, очерка, что, в свою очередь, является продуктивным направлением в исследовании поэтики гоголевской формы (Ю.В.Манин, В.М.Маркович, В.И.Тюпа, И.П.Смирнов, В.Ш.Кривонос, А.В.Петров, Е.А.Сурков). Также нами учитывались существующие в науке суждения о возможных способах рецепции формой Н.В.Гоголя других жанровых форм, среди которых явно актуализированы пародия и самопародия (В.Ш.Кривонос), взаимооспаривание, травестирование (В.Ш.Кривонос, Н.Д.Тамарченко, М.Н.Виротайнен), конвергенция (В.И.Тюпа).

В исследовании механизмов циклообразования в «Петербургских повестях» основанием стали работы Ю.М.Лотмана, Г.А.Гуковского, Ю.В.Манина, Ю.В.Лебедева, М.И.Дарвина, Л.Е.Ляпиной, А.С.Янушкевича, В.С.Киселева. Существенный интерес представляют для нас работы, в которых детально рассматриваются такие формы выражения авторского сознания, как антропонимика (А.Ф.Лосев, В.Н.Топоров, В.Ш.Кривонос, С.А.Гончаров, А.Х.Гольденберг) и заголовочный комплекс (Ю.М.Лотман, В.И.Тюпа, Н.А.Селова).

Обращение к поэтике гоголевской повести предполагает дальнейшее исследование «петербургского» текста писателя (Ю.М.Лотман, В.Н.Топоров, Ю.В.Манин, И.П.Евлямпиев, М.С.Уваров), реконструкцию авторского образа мира и человека. Это позволило нам выявить этико-эстетические доминанты картины мира в «Петербургских повестях», которая рождается в процессе сложного взаимодействия и трансформации религиозной (христианской) (С.А.Гончаров, С.Г.Бочаров, В.А.Воропаев, Е.И.Анненкова, В.И.Мильдон) и историко-литературной: сентименталистской и романтической (И.В.Карташова, Н.Д.Кочеткова, Э.М.Жилакова, А.С.Янушкевич, В.С.Киселев), барочной (В.Н.Турбин, А.В.Михайлов, Ю.Я.Барабаш, Л.А.Софронова, Н.В.Хомук), реалистической (социально-универсальной) (В.М.Маркович, В.А.Недзвецкий) моделей мира. Работы историко-литературного, культурологического, философского плана, посвященные этой проблематике (Д.С.Лихачев, Б.А.Успенский, В.Н.Кантор, А.Панарин, К.Г.Исупов, В.П.Цуккин), также существенно обогатили настоящее исследование, позволив уточнить сущностные характеристики гоголевской картины мира и человека.

Подводя итоги, следует отметить, что в современном гоголеведении уделяется особое внимание вопросам художественной специфичности гоголевского метода: истокам, природе, структуре, функционированию гоголевского образа, мотива, сюжета; жанровым и композиционным модификациям, тайне универсального гоголевского синтеза. Значимым аргументом в пользу выбора такого исследовательского ракурса становятся самобытная, эстетически организованная структура и уникальная поэтика «Петербургских повестей» Н.В.Гоголя.

Научная новизна работы состоит в следующем:

- 1) представлена новая концепция жанра «петербургской» повести, явившаяся итогом обобщения и конкретизации продуктивных достижений современного гоголеведения в области поэтики жанра повести Н.В.Гоголя;

- 2) в процессе практического анализа было показано, как трансформируется в полижанровом пространстве гоголевской формы каждый жанровый элемент и как в процессе жанропреобразования, который в работе охарактеризован как трансформированный синтез, создается новое и одновременно поновленное универсальное жанровое целое;
- 3) выявлены новые пути решения проблемы жанра «петербургской» повести с использованием теоретического инструментария (трансформизм (М.Н.Виролайнен), пародия и самонародия (В.И.Кривонос), гротескная форма (Ю.В.Манн), гротескный тип повествования (Н.Д.Тамарченко), художественно-индивидуальная система, заголовочный комплекс, «вечный» сюжет) современного литературоведения;
- 4) традиционные литературоведческие категории жанра, хронотопа, мотива, композиции, цикла применительно к петербургскому сборнику рассмотрены как средство постижения поэтики жанра повести;
- 5) описаны основные механизмы жанровой трансформации, реализованные в гоголевском тексте, среди которых выделяются пародия как способ осознания и постижения гоголевской формы, строение которой отличается нарочитой «резкостью» (Н.В.Гоголь), гротескная форма и гротескный тип повествования как особый тип оформления полижанрового пространства «петербургского» цикла;
- 6) в процессе анализа жанрового строения «Петербургских повестей» установлена цикловая природа гоголевского текста, выявлено действие таких механизмов циклообразования, как концентричность, метасмыслообразование и комплиментарность, обнаружены внутрицикловые связи, выделены микроциклы;
- 7) системно исследован жанр повести Н.В.Гоголя с точки зрения реализации в нем архитектурно-строительной и мироустроительной функций, что проявляется на всех уровнях гоголевского текста: в устройении современной формы и в воссоздании образа современного человека и мира писатель идет буквально от «разобранного строения» к целостности, от «вседневной» «суеты» к «радости, ликующей в духе».

Основные методы исследования. В соответствии с проблематикой работы её методологическим основанием стали положения и выводы о закономерностях развития жанровых форм, содержащиеся в исследованиях в области исторической поэтики. Данные разработки, посвященные теоретическому описанию таких процессов в истории литературы XIX века, как создание эпоса на «новой» основе, «обновляющаяся архаика» (Н.Д. Тамарченко), «категориальный слом» (А.В. Михайлов), «новая русская проза» (В.И. Кривонос), в настоящей работе нашли свою практическую реализацию. Теоретический инструментарий исторической поэтики явился основанием для установления происхождения и специфичности развития основных аспектов гоголевской картины мира в «Петербургских повестях» и представления о

неслучайности каждого элемента в поэтике формы Н.В.Гоголя, тем самым о возможностях непротиворечивого сосуществования социального и религиозного детерминизма в «петербургском» тексте писателя.

Наряду с этим в диссертации использованы приемы жанрового, мотивного, историко-литературного, эстетического, онтологического, культурологического анализа. «Петербургский» текст Н.В.Гоголя в настоящей работе включен в широкое контекстуальное поле русской национальной культуры и соотнесен с самобытным культурно-историческим процессом в России.

Методологической базой исследования стали труды С.С.Аверинцева, М.М.Бахтина, Д.С.Лихачева, А.М.Панченко, Ю.М.Лотмана, Б.А.Успенского, П.А.Флоренского, В.Н.Топорова, Л.В.Пумпянского, Н.А.Бердяева, С.Г.Бочарова, Г.Д.Гачева, И.П.Смирнова, Ю.В.Манна, В.М.Марковича, Н.Д.Тамарченко, Н.Л.Лейдермана, М.Н.Виротайнен, В.Ш.Кривоноса, Е.И.Анненковой, В.И.Тюпы, М.Н.Дарвина, Ф.З.Кануновой, А.С.Янушкевича, Е.К.Ромодановской, Л.М.Баткина, М.М.Гиришмана, В.А.Беглова, Э.Л.Афанасьева, А.Ф.Некрыловой, В.В.Бычкова, В.Г.Щукина.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в обобщении и конкретизации теоретических сведений, связанных с поэтикой жанра «петербургской» повести Н.В.Гоголя и жанра повести в целом как самого репрезентативного жанра эпохи в русской литературе начала XIX века, в «обновляющейся архаике» (Н.Д.Тамарченко) жанрового строения которого формируется модель романа, модель универсальной формы нового времени.

В работе объективируются и уточняются теоретические сведения, связанные с установлением в ходе описания процесса взаимодействия и трансформации жанровых элементов, включенных в полижанровое пространство «петербургской» повести Н.В.Гоголя, жанровой специфичности таких форм, как анекдот, новелла, очерк, мистерия, пригласительная, исповедь, воинская повесть, житие. Кроме того, исследованы механизмы циклообразования в петербургском сборнике писателя в соответствии с современными научными открытиями в этой области. Основные положения и выводы диссертационного сочинения могут найти применение в исследованиях в области истории, теории жанра повести и других эпических форм, теории литературы и литературоведческого анализа текста, истории и критики русской литературы. Материалы работы могут быть использованы при разработке историко- и теоретико-литературных курсов по истории русской литературы XIX века в вузовском и школьном преподавании.

Положения, выносимые на защиту:

1. Жанровая специфичность «петербургской» повести проявляется в освоении ею жанрового ресурса как современных эпических форм, направивших свой жанровый потенциал на постановку и раскрытие тем, имеющих онтологическую (сентиментальная, романтическая повесть) и остросоциальную (реалистическая повесть, сатирический, правоописательный, физиологический очерк) проблематику, так и древних сакральных эпохальных форм, в которых сосредоточен

духовный созидательный потенциал повести (притча, исповедь, легенда, житие, воинская повесть, мистерия). При этом особое значение в поэтике Н.В.Гоголя отводится формам устного городского слова (молва, слухи, сплетни) и формам площадного зрелищного искусства (балаган, лубок, раск), жанровые возможности которых направлены на всестороннее познание современного мира.

2. Концептуальная и жанровая целостность «петербургского» текста с установкой на мистификацию и жанропреобразование (трансформацию) отражается на уровне заголовочного комплекса повестей.
3. Основу поэтики жанра «Петербургских повестей» составляют амбивалентные оппозиции, которые оформляют динамическую модель жанра, образа мира и человека, выраженную в возможности движения в том и другом направлении от границы, пролегающей буквально между разрушением и созиданием, духовной гибелью и возрождением. В гоголевском тексте эта модель воплощается в пародийном, гротескном сопряжении бытового/сакрального, земного/небесного, ложного/истинного, телесного/духовного, греха/благодати, портрета/иконы, анекдота/исповеди, блудного пира/«небесного веселья», «суестьи»/поприща, блуждания/«дороги, указанной изнутри» и т.д.
4. В повествовании на фоне возрастающей христианизации мировоззренческой парадигмы писателя активизируется кризисная модель мира, которая, входя в концепцию гоголевского жанра на уровне художественного приема, участвует в создании социально-универсальной модели современного русского мира и человека. В этом контексте гоголевский концепт «цивилизация» раскрывается на фоне реализации в повествовании притчевого субмотива «блудного пира».
5. Современный человек в повестях Н.В.Гоголя предстает участником мистерияльного действия как исповедального по своей сути, интимно-таинственного переживания, акта постижения Бога.
6. Имя героя вводит в повествование скрытый сюжет и скрытую жанровую парадигму, становясь проводником легендарного змееборческого сюжета, реанимируя жанровые интенции летописи, жития, воинской повести, которые, в свою очередь, укореняют гоголевскую концепцию человека в традициях древнерусского летописания.
7. Идеальный (легендарный, христианский, сентименталистский, романтический) образец, включаясь в сложное, динамическое (пародийное) взаимодействие с трагически противопоставленным ему мнимым образом современного мира и человека, явился в повестях Н.В.Гоголя не в виде затвердевшей догмы и потому не в форме приговора современной цивилизации, а в форме активного инструмента преобразования, созидания действительности в пространстве художественной формы.

8. Полижанровая природа «Петербургских повестей» обусловлена жанропорождающей способностью многотонального авторского слова, которое возрастает от площадного слова балаганного зазывалы, юродивого до авторских очерковых комментариев сатирического, нравоописательного характера, рефлексии и слова судии, проповедника, зывающего к духовному восстанию из мертвых, к воссоединению людей на основе милосердия и братства.

Основные научные результаты и выводы были **апробированы** на Международной научно-практической конференции «Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества» (Оренбург, 2007), на Межрегиональной научной конференции «Нужно любить Россию...» (Оренбург, 2009), на Международной научной конференции «Н.В.Гоголь и мировая культура» (Самара, 2009), на Международной научной конференции «Девятые гоголевские чтения. Н.В.Гоголь и русская литература» (Москва, 2010).

Структура и объем работы определяется поставленной целью и задачами. Диссертация включает в себя введение, три главы, заключение и список использованной литературы (230 названий). Общий объем текста – 216 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** оценивается степень научной изученности темы диссертации, обосновываются актуальность, научная новизна исследования, определяются его объект и предмет, формулируются цель и задачи, характеризуются теоретическая и практическая значимость результатов работы.

В **первой главе ««Петербургский» текст Гоголя как явление русской литературы»** в двух частях рассматривается роль гоголевской повести в истории становления и развития этого жанра в русской литературе и его причастность к формированию «петербургского» текста как наиболее репрезентативного образа европеизированной русской цивилизации, переживающей системный кризис.

В первой части первой главы **1.1 «Жанровая специфичность гоголевской повести как научная проблема (теоретический аспект)»** теоретический материал разрабатывался с опорой на авторское представление об универсальной форме, о жанровой специфичности повести и о закономерностях развития эпических форм. Предпринятый анализ позволяет судить о том, что жанровую структуру «петербургской» повести определяет установка на восстановление в пространстве современной формы родовой и духовной преемственности между современным человеком и человеком эпохи творения и, в свою очередь, между современной, «живой» формой и древней, «вечно живой» формой.

«Петербургская» повесть, черпая свои основные жанровые ресурсы в недрах городской молвы, находится в стадии оформления, «не достигает до стабильного состояния» (В.Н.Турбин), приобретая, подобно молве, на первый взгляд, диффузную жанровую структуру. Иножанровые образования входят в

пространство гоголевской формы как отдельные жанровые элементы (мотив, топос, цитата, сюжетная схема, жест, мимика и т.д.), которые наделяются жанропорождающей способностью, становясь активными компонентами складывающегося в повестях Н.В.Гоголя метажанрового целого, входя в поэтику гоголевского жанра как некоторый самобытный жанровый тип мирозидания на пути к формированию в «Петербургских повестях» социально-универсальной модели мира и человека. Жанровое строение повестей обогащают такие элементы, как притчевый мотив «блудного пира», притчевая цитация («Я брат твой»). Топос улицы активизирует в цикле жанровые интенции городской легенды, анекдота, топос площади (в истории о *Фальконетовом монументе*) возрождает памфлетность сатирического очерка XVIII века, топос площади-пустыни (в истории Акакия Акакиевича) провоцирует мистериальную составляющую «петербургского» текста Н.В.Гоголя. Традиционные сюжетные схемы исповеди, жития призваны «контрапунктически оспорить» (С.С.Аверинцев) анекдотическое развитие сюжета в истории Поприщина («Записки сумасшедшего»), Акакия Акакиевича («Пинель»), драматизировать историю Чарткова, художника-иконописца («Портрет»). Жесты и мимика (в заглавии повести «Нос», в истории Пирогова) создают в повествовании антураж площадного балагана, театра Петрушки.

Таким образом, бытие гоголевской повести, которая, обладая способностью эпического приятия, позволяет писателю осуществлять самые смелые жанровые эксперименты, определяется процессом жанростроения, процессом поиска новой этико-эстетической концепции и новой универсальной формы. Строение «Петербургских повестей» отличается динамической сложностью временных, пространственных, сюжетных и жанровых границ.

Во второй части главы **2.1 «Поэтика заголовочного комплекса петербургского сборника Гоголя»** заглавия повестей, составившие «композиционную рамку» (Ю.М.Лотман) гоголевского текста, рассматриваются как с точки зрения вхождения «петербургского» текста писателя в пространство «петербургского» текста русской литературы, так и с точки зрения присутствия в заголовочном комплексе указания на воплощенный в повестях образ автора, жанра и тип «духовного устройства» (П.А.Флоренский) текста (в заглавии повести «Записки сумасшедшего»), на авторский образ современного мира и человека (в заглавиях повестей «Невский проспект», «Нос», «Пинель»). Заглавия «Петербургских повестей» рассматриваются в работе как эмблемы, зримо, емко указывающие на те трагические искажения и деформации, которые произошли и повсеместно происходят в современном мире.

Заглавие-топоним первой повести цикла («Невский проспект») выполняет в тексте референтную функцию: информирует читателя о месте действия повестей сборника, определяет пространственно-временные ориентиры художественного мира гоголевского текста, утверждая при этом его причастность к культурно-исторической топики и мифологии Петербурга, история которого связана с именем и реформами Петра I.

Проспект, т. е. проезжая (прохожая) дорога становится в повестях

символом европеизированного петербургского мира, обуреваемого меркантильным интересом, а *«вечно»* спешащий, идущий в ногу со временем петербуржец, – мнимым образцом современного человека, который, убежден писатель, находится *«покаместь на дороге и на станции, а не дома»*, что подчеркивает переходность избранного им пути. В поэтике повестей Н.В.Гоголя петербургский мир становится для русского человека не-домом, *«не радушиным родным приемом братьев»* прежде всего в духовном смысле. Петербургское пространство, уподобляясь в повествовании «блудному пиру», упраздняет, десакрализует эту часть мира, лишая человека дома, родной земли, христианского братства, делая его незащищенным перед силами зла и обреченным на одиночество и гибель.

Хропотопическая установка (улица, проспект), реализуемая в тексте, утверждает «случай» как сюжетную и жанровую доминанту повестей. Случайность, разворачивающаяся от анекдотического казуса до сакральной случайности (чуда) притчи, определяет бытие «петербургской» повести.

Нос – это гротескная физиологема, которая на уровне поэтики жанра сообщает установку на всеобщее сомнение/сумасшествие, источником которого в тексте Н.В.Гоголя становится городская молва, кроме того, на мистификаторство (нос-сон) и тотальную превращаемость, «трансформизм» (М.Н.Виролайнен) современного мира и формы, а на уровне сюжета – установку на каузальную модель мира, в пределах которой в «Петербургских повестях» складывается фрагментарная, расколотая, гротескная картина современного мира, пребывающего в ожидании/неведении своего эсхатологического конца.

Во второй части **«Динамика жанровой трансформации в «Петербургских повестях»** исследуется гоголевская картина мира и человека в связи с полижанровой природой строения «петербургского» текста.

В первой части второй главы **2.1. «Концепт «цивилизация» в «Петербургских повестях» Н.В.Гоголя»** предметом исследования стал образ современной цивилизации в гоголевском сборнике. Мы считаем, что концепт «цивилизация» оформляется в повествовании Н.В.Гоголя в результате взаимодействия в тексте авторских трансформов семиотических моделей зеркала, лабиринта, пира, которые, складываясь в самобытный образ мира, призваны упрочить представление о всеобщем распаде традиционных человеческих связей и подробности познания, тем самым об уязвимости настоящего состояния современного мира и человека и о необходимости перерождения, «премены разума» (в соответствии с исповедальными интенциями, утверждающимися в повестях).

Познавательная ситуация незнания (неверия)/сомнения, определяющая гоголевскую картину современного человека, разрешается, в свою очередь, как в пространстве «социально замкнутого» (В.М.Маркович), *«вечного»* (Н.В.Гоголь) очеркового сюжета, который в повествовании воплощает образ «дурной бесконечности» (В.Н.Топоров), безблагодатный путь, который ничему не может научить (описание Невского проспекта), так и в пространстве новеллистического, анекдотического сюжета (казуса), в котором выбор героя

также оказывается бессмысленным или катастрофическим. При этом притчевый сюжет (притча о «блудном сыне») углубляет повествование и переводит ситуацию выбора пути в этическое измерение.

Писатель застает своих героев в момент выбора между грехом и благодатью, между «блудным пиром», который ассоциируется с состоянием современного мира, и *«небесным веселием»*, сохраняя при этом возможность движения в том и другом направлении от границы.

Ситуация перехода, порога в гоголевском тексте провоцируется также пограничностью, «эксцентрическим города» (Ю.М.Лотман), каким является Петербург. Ключевым мотивом гоголевской повести становится, на наш взгляд, мотив поиска своего *«места»*, *«поприща»* в условиях этической неопределенности петербургского пространства.

Концепт «цивилизация» исследуется в работе с точки зрения самораскрытия в нем «вечного» притчевого сюжета о «блудном сыне» и прежде всего в аспекте становления и реализации субмотива «блудного пира». Детальному анализу в работе подвергся момент вхождения гоголевского героя в мир современной цивилизации. Пир как конкретное действие (бал, приснившийся Пискареву («Невский проспект»), вечер, проведенный Акакием Акакиевичем у помощника столоначальника, ужин у приятеля значительного лица («Шинель»)), будучи неотъемлемой частью светской жизни тогдашнего Петербурга, наделяется чертами перверсного, мнимого пира. Человек, по мысли писателя, *«испугался»* на балах, которые *«убивают душу»*, *«умерщвляют остатки чувств»*. Это, в свою очередь, способствует утверждению в повествовании ложной в сравнении с идеалом, греховной сути петербургского пространства. Маркерами подобного состояния в повестях Н.В.Гоголя становятся такие понятия и образы, описывающие жизнь современного человека, как *«рассеянная жизнь»*, *«суета»*, *«суетные побуждения»*, *«ералаш»*, *«фантазмагория»* и т. д. Погружение в современный «блудный» мир-пир чреват для духовно уязвимых героев попранием истинных ценностей (*«разговориться после долгого поста»*) и духовной гибелью, превращением в *«обливающийся каменный гроб с мертвецом внутри вместо сердца»*. В целом в ритуале перехода героев в новую для них светскую жизнь, итогом которого становится духовная гибель, воспроизведена сюжетно-смысловая схема похоронно-поминального обряда (мотив переодевания, вкушения загробной пищи, смерти), что подтверждает предпринятый в работе анализ.

Главным атрибутом современного человека становится зеркало (он (Чартков – Е.К.) ходил, *«беспрестанно поглядывая в зеркало»*), которое в поэтике гоголевской формы, в чем обнаруживается связь «Петербургских повестей» с эстетикой барокко, служит мотиву Vanitas и призвано подчеркнуть бренность человеческого существования, его принужденность сущностью мира к лицедейству (*«сыграть роль светского человека»*). В аспекте лицедейства в гоголевском тексте, на наш взгляд, разрешается неодолимое стремление героя в его «светской» жизни к чиномании и чинопочитанию, желание сохранить и намеренно подчеркнуть в своем облике и образе жизни атрибуты власти,

достатка, социального статуса. Для Чарткова – это «квартира с зеркалами и цельными стеклами», для Пискарева – «щегольский сюртук», для Акакия Акакиевича – шинель, для Ковалева – нос, для Поприщина – генеральский чин.

Думается, в самой идее антимира, мира перевернутого, зеркального, заключена причастность гоголевского текста «смеховому миру» древнерусского религиозного искусства. Описание петербургского «блудного» пиршества чиновников противопоставляется в повестях представлениям писателя о братских трапезах ранних христиан. Древнерусская традиция изображения антимира становится в повестях Н.В.Гоголя отправной точкой при создании образа современной петербургской цивилизации. «Смеховой мир» (Д.С.Лихачев) Древней Руси так же, как и в «Петербургских повестях», противостоит не обычному миру, а идеальному.

Реалии современного «блудного» мира-пира (сбор денег «в складчину» в истории Акакия Акакиевича («Шинель»), «ужасное многолюдство» столицы, «остроты» камергера, «звериный оскал» и «мертвое молчание» пришедших на бал (в истории Пискарева) становятся в повестях Н.В.Гоголя пародийной имитацией истинных христианских ценностей соборного единения, братства и Добротолубия. Писатель стремится к созданию в «Петербургских повестях» социально-универсальной модели русского мира, освобождая мощную первоизданную энергию русского характера, необходимую для нравственного самосовершенствования и гармонизации окружающего мира. Амбивалентной оппозицией распавшемуся на части, неопределенному состоянию современного человека и мира в гоголевской антропологии является христианская в своей основе идея самосозидания.

Обращаясь к исследованию сущности современной российской цивилизации, писатель стремится гуманизировать все процессы, связанные с современным состоянием русского мира.

Во второй части второй главы **2.2 «Гоголевская антропология»** образ современного человека раскрывается в контексте созданной писателем картины современного мироустройства, обнаруживается причастность гоголевской картины человека к традициям древнерусского религиозного искусства.

В «Петербургских повестях», на наш взгляд, реализуется ситуация сюжета в сюжете, поскольку современный сюжет (случай) представлен в виде своеобразного оттиска на одном из «вечных», универсальных сюжетов из истории духовного становления человечества (легендарный, христианский, сентименталистский, романтический образец), центральным из которых становится притчевый сюжет о «блудном сыне». Одним из способов реализации этого сюжета в повествовании является сюжетная триада покаянной исповеди (раскаяние – исповедь – покаяние), которая в поэтике Н.В.Гоголя становится образом духовного саморазвития для современного человека, тем самым явно или завуалировано мотивируя поведение героев повестей, наполняя его универсальным религиозным смыслом. Концепция человека в «Петербургских повестях» складывается в напряжении между внешним, мирским и внутренним, духовным началом. Момент духовного (исповедального) озарения, обращения к Богу становится в повестях

единственным полнобытийным событием в жизни гоголевского героя. В повествовании актуализируется идея греховности и непокаянности (оппозиция грех/благодать) существования человека в современном мире.

В работе установлено, что одной из форм активизации авторского начала, тем самым формой предъявления смысла и способом самопроявления в тексте образов идеальной (легендарной, христианской) антропологии, является *идея* гоголевского героя.

Апеллируя на уровне антропонимики к легендарному змеесборческому сюжету (в истории майора Ковалева («Нос»), в истории Чарткова («Портрет»)) и сюжету, традиционному для воинской повести, жития, былины (в истории Пискарева («Невский проспект»), Поприщина («Записки сумасшедшего»), Башмачкина («Шинель»)), Гоголь обращается к истокам человеческого рода, чтобы «просветлить» современного человека, указав на его родство с героическим прошлым своего народа и на его «место», «поприще» ('мера пути в полторы версты, арена, место борьбы, ристалище') в современной истории России. На этом уровне в повествовании реализуется устойчивый в древнерусской воинской повести и в «Слове о полку Игореве» мотив пира-битвы, который в поэтике Н.В.Гоголя находит выражение, в частности, в образе «святой брани» за свою душу, в которую предстоит вступить человеку, преодолевая разрушительное воздействие современного «блудного» мира-пира.

В третьей части второй главы 3.2 «Голос автора и формы его выражения в «Петербургских повестях» Н.В.Гоголя» рассматриваются формы выражения авторского сознания как главного фактора жанропреобразования. Многотональное слово писателя раздвигает повествовательные рамки повести, воссоздавая в «Петербургских повестях» образы как традиционных жанров карнавально-мистерийного «местосвершения» (В.Г.Шукин) (мистерия, балаган, лубок, раек), так и современных жанров, имеющих ту же хронотопическую установку (путешествие, сатирический, правоописательный, физиологический очерк).

В «петербургском» тексте нет готовых решений и точных ответов, т. к. их убедительность всякий раз при смене жанровой парадигмы подвергается сомнению. На наш взгляд, в повествовании это напрямую связано с изменением повествовательной ситуации, с разработкой различных «перспективных ракурсов» (П.А.Флоренский), что влечет за собой изменение статуса повествующего лица, изменение его положения в пространстве и/или во времени и в целом смещение в тексте смысловой перспективы.

«Петербургские повести» создаются писателем в состоянии между отчаянием и надеждой. Эта установка лежит в основании субъектной организации, которая, в свою очередь, формирует сюжетное и жанровое строение повестей.

«Особенное» устройство гоголевской формы, которая рождается в конфликте стихии жизненного случая, эмпирики мира в сюжете повеллы, анекдота с безусловным нравственным законом притчи, призвано отразить трагизм мировидения писателя и одновременно его веру в чудесное преобразование современного человека и мира. В жанре повести Н.В.Гоголя

реализовалась установка на познание мира и поиск смысла. Автор фиксирует, познает мир во внешнем сюжете повестей и осмысляет происходящее во внутреннем сюжете, в форме субъективного времени автора.

Мотив сотворения мира – органическая часть гоголевского мифа, связанного с образом художника. Слово автора «Петербургских повестей» взаимодействует с самой плотью (жизненным *«сором»*, *«дрязлом»*, который, в свою очередь, является проявлением живого мира) распавшегося русского мира и собирает его *«куски»*, *«скалки»* в соответствии с высшим предустановленным законом человеческого существования, который должен стать фундаментом поновленного русского мира. Н.В.Гоголь погружает современный мир в состояние исповедального самособирания перед Богоданным Словом писателя.

В третьей главе **«Жанровый синтез в «Петербургских повестях» Н.В.Гоголя»** исследуются вопросы цикловой организации гоголевского сборника, его композиции, приемы универсализации гоголевской формы.

В первой части третьей главы **3.1 «Цикловая организация гоголевского сборника»** в результате предпринятого исследования сделан вывод о том, что сюжетная схема «петербургского» цикла реализуется во взаимооспаривании принципов кумулятивного и циклического сюжетов.

Кумулятивный сюжет анекдотического дискурса, который в работе рассматривается на примере динамики сюжета о носе, характеризуется присоединением, накоплением повторяющихся элементов и одновременно нарастанием их значения, чтобы в финале сборника в повести «Записки сумасшедшего» обернуться катастрофическим пределом: в современном мире нарушены всякие предустановленные связи и пределы, все в нем абсурдно, случайно. При этом циклический сюжет, который в повестях Н.В.Гоголя реализуется в пространстве притчи, исповеди, жития, вносит в созданную в повестях картину мира определенность, целесообразность. По сути, стремится к тому, чтобы подвергнуть сомнению окончательность и однозначность того приговора современной петербургской цивилизации, который складывается в пределах кумулятивного сюжета.

Повесть «Нос», что последовательно доказывается в исследовании, является сюжетообразующим и жанрообразующим ядром гоголевского сборника. В строении цикла также можно выделить микроциклы. Первый микроцикл составляют повести «Невский проспект» и «Портрет», которые, на наш взгляд, объединяет картинно-выставочная природа созданного в повестях мифообраза (от «картинного» описания Невского проспекта («Невский проспект»), в котором разворачивается мотив выставки, до описания картинной лавки на Шуйкином дворе и аукциона («Портрет»), который, в свою очередь, *«оказывается чем-то похожим на погребальную процессию»*). Эти образы, вступая во взаимодействие, отражают углубляющееся в сознании писателя ощущение катастрофизма современного русского бытия. Современная картина – результат механического, бездумного воспроизведения, потому она (в противоположность иконе) в повестях Н.В.Гоголя становится символом искусственного, ложного, духовно омертвевшего мира.

Повести «Шинель» и «Записки сумасшедшего» объединяет в микроцикл

тема «маленького человека», продиктованная ощущением кризиса современной чиновно-бюрократической системы, которая сбивает человека «с толку», уничтожая в нем всякое «чувство человечества». Общим направлением в развитии сюжета всех повестей цикла становится взаимодействие человека и среды, что подчеркивает связь «Петербургских повестей» с сатирическим и физиологическим очерком и оформляет его остросоциальную направленность. При этом «внутренний», притчевый сюжет, что в целом обнаруживает связь гоголевского текста с жанрами, которые объединяет мистериальная топика (житие, притча, исповедь), складывается как столкновение, духовное противоборство человека с городом, который, в свою очередь, оборачивается антимиром, а способ существования в нем – «блудным пиром». Позитивная установка «петербургского» цикла видится нам в том, что для современного человека открыт путь «блудного сына».

Во второй части третьей главы **3.2 «Загадка композиционного единства сборника»** выявляется специфика жанрово-композиционной целостности «Петербургских повестей».

Фрагментарная природа композиции «Петербургских повестей» рассматривается в работе с точки зрения обнаружения причастности гоголевского текста к таким традиционным зрелищным формам городского площадного искусства, как балаган, лубок, раск. В развитии сюжетов повестей Гоголь мастерски воспроизводит резкость, непоследовательность и фрагментарность примитивного уличного сюжета, что, в свою очередь, служит утверждению представления о нестабильности того состояния, в котором находятся современный человек и мир. Гоголевский герой пребывает в смятении, он «бросился со всех ног», «выбежал на улицу», «летел домой», «разом хотел подать письменную просьбу» и т.д.

Предметом и одновременно способом изображения действительности в современной повести должен стать, по мысли писателя, «мастерски и живо рассказанный картинный случай». Зрение – главный для писателя орган восприятия. Гоголь «вонзается» в петербургский мир «ястребиным взором наблюдателя» («Невский проспект»), усматривая в его «вседневных» проявлениях некоторую целесообразность, форму, в то время как современный человек смотрит на мир «неясным», «неопределенным» взглядом и способен увидеть вокруг себя только «мутный беспорядок».

Предпринятый анализ «петербургского» текста позволяет сделать вывод о том, что в гоголевском цикле не только центральный сюжет, но и повествовательный материал в целом разворачивается как потешная панорама, состоящая из лубочных картинок, «пестрых, грязных масляных малеваний» («Портрет»), на которых изображены вычурные, яркие, окариатуренные персонажи из современной петербургской действительности. Будучи рассмотренными панорамно, эти картинки, что доказывается в работе, пародийно удваиваются, взаимоотражаются, образуя композицию петербургского сборника.

Загадка композиционного единства повестей заключается в способности их повествовательных элементов к перемещению и трансформации. Читатель,

по сути, становится свидетелем того, как рождается, живет, развивается художественная форма, и как в ее недрах творится бытие.

В третьей части третьей главы **3.3 «Универсализация «петербургского» сюжета Н.В.Гоголя»** анализируются пространственно-временные рамки гоголевского текста и его связь с традиционными формами карнавально-мистерийного «местосвершения» (В.Г.Шукин).

Универсализации гоголевского текста служит авторская мистериальная модель мира, налагаемая на искусственную, карнавализованную, деформированную модель мира, творимую современной цивилизацией и разворачивающуюся в повествовании в пределах очеркового формата мирозидания с установкой на типизацию и социальную замкнутость. Мистериальная модель мира и полижанровая (универсальная) природа мистериального действия оказываются для «петербургской» повести наиболее продуктивной формой как в связи с возможностью реализации сокровенной идеи писателя о спасении мира, так и с возможностью примирить, синтезировать в современной реалистической повести разноразличные жанровые стратегии от площадного анекдота, балагана до религиозной драмы, что, в свою очередь, по замыслу писателя, должно послужить всестороннему познанию и духовно-нравственному преображению современной действительности.

В четвертой части третьей главы рассматривается **«трансформизм как один из основных приемов универсализации жанра «Петербургских повестей» Н.В.Гоголя»**.

Генераторами процесса жанропреобразования (трансформации) и универсализации в «Петербургских повестях», по нашему мнению, является гротескная образность и гротескный тип повествования. В «петербургской» повести, как в гротескной форме, возникают диалогически активные, продуктивные отношения между жанровыми элементами, оказывающимися в пространстве гоголевской формы в сопряжении.

В повестях утверждается позитивная, мироустроительная составляющая гротескного мировидения писателя, поскольку установка на чудесное преображение мира и человека, по сути, связана в повествовании Н.В.Гоголя с гротескным, парадоксальным соединением в современном мире земного и небесного, временного и вечного. Таким образом, гротескное мироощущение позволяет Н.В.Гоголю на уровне формы преодолеть разобщенность, царящую в мире, выявляя новые и одновременно поновленные, но отвергнутые и потому неожиданные связи, к примеру, между дневником сумасшедшего и исповедью («Записки сумасшедшего»), жалким существованием чиновника и житием святого («Шинель»), бессмысленным суетным блужданием и *исканием* истины («Пос») и т.д.

Гротескное соединение в повестях разнородных жанровых форм, предметов, явлений окружающего мира и свойств человека призвано сделать границы четкими, обозначить форму, преодолевая тем самым бесформенность и *пестроту*, царящую в современном мире и являющуюся в поэтике гоголевской повести признаком вырождения жизни. Все выдающиеся черты

своего характера современный человек *«слит» «в какую-то тусклую неопределенность»*. В мире запущен процесс разрушения идеала. Писатель фиксирует это состояние на уровне утраты формы, *«резких особенностей»* характера (*«что-то вроде сожаления», «подобие улыбки», «мутная, пепельная наружность», «неопределенное состояние»* и т.д.)

Гротескное соединение несоединимого – это буквально акт преступления границы, который осуществляет писатель для того, чтобы сдвинуть мир с устойчивого каркаса, указав на мнимость и абсурдность *«строжайших»* порядков современной чиновно-бюрократической системы. На всех уровнях гоголевского текста действует принцип гротескного соединения форм, литературных стратегий, образов и т.д. Так, к примеру, имитация карнавального начала в «Петербургских повестях» пародийно соотносится с мистериальным, анекдот – с житием, памфлетность – с исповедальностью, социальный императив (приказ) – со всеобщим нравственным законом и т.д.

Кроме того, гротескная превращаемость петербургского мира приобретает в повестях Н.В.Гоголя комическую модальность, становясь, в частности, одним из способов профанации героя. Гротескная образность реализуется в повестях, в частности, в установлении пародийной взаимосвязи буквально между человеком и башмаком (Башмачкин), между человеком и пирогом (Пирогов), между человеком и рыбой (Пискарев).

Гротескная сущность «петербургской» повести порождает смысловую неоднозначность формы и образа, по сути, имитируя в пространстве художественного произведения процесс разрушения/созидания формы и бытия в целом, тем самым эстетически воссоздавая акт мистериального (исповедального) преображения современного человека и мира.

Жанровая специфичность «петербургской» повести может быть определена как структурная незавершенность формы. Включаясь в непрерывный процесс смыслоизвлечения и трансформации, Н.В.Гоголь приобщает читателя к таинству со-творения, рождения новой универсальной жанровой единицы, в котором должно было произойти чудо эстетического и нравственного преображения современного мира и человека.

В **заключении** подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения поэтики жанра «Петербургских повестей» Н.В.Гоголя.

Жанровые искания писателя продиктованы стремлением к постижению универсального знания, смысла и нахождению выработанной в процессе всеобщей интеграции разных форм знания и познания мира универсальной жанровой единицы, в пространстве которой литературные и внелитературные формы освоения действительности подтверждаются трансформации и *«перемешавшись, переродившись, выходят свежими волнами»*.

В результате проведенного исследования мы приходим к выводу о том, что в соответствии с мироустроительной функцией гоголевского жанра одни формы, внедряясь в пространство повестей, активизируют в повествовании установку на разрушение, раздробление (*«разобранное строение»*), наделяя созданную в повествовании картину мира такими качествами, как дробность

(балаган, лубок, раск), искусственность (очерк), ложность, мнимость (молва, слух, анекдот), другие, в свою очередь, напротив, становясь своеобразными ноуменами гоголевской формы, утверждают установку на самособи́рание, выражая идею цельности, упорядоченности, истинности (притча, исповедь, житие, воинская повесть, легенда). Органичным сплелением жанровых элементов в полижанровом пространстве «Петербургских повестей» становится пародия. В результате подобного жанрового взаимодействия, что установлено в процессе анализа, форма «петербургской» повести заряжается колоссальной энергией саморазвития. Третьи элемент пародии, актуализирующийся в гоголевском тексте, оформляется в процессе сложного синтеза отрицания/утверждения и становится мерой формы Н.В.Гоголя, при этом активным инструментом познания и созидания современного русского бытия.

Феномен «петербургского» текста во многом определяется его пограничным статусом («поперек всех явлений» (А.В.Михайлов)) в поэтике Н.В.Гоголя и в истории русской литературы в целом, что в настоящей работе стало основанием для рассмотрения поэтики жанра «Петербургских повестей» в контексте таких пограничных по своей природе явлений, как гротеск, трансформизм, пародия, которые рождаются в зоне взаимодействия разнонаправленных начал и структур и содержат установку на переход в процессе жанропреобразования к новому типу сознания и мирозидания. В ходе анализа было доказано, что функциональные смыслы, порождаемые поэтикой повестей Н.В.Гоголя, поддаются осмыслению в данной системе литературоведческих координат, что дает право говорить об их объективной реализации в тексте.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Каримова Е.С. Мотив «блудного пира» в «Петербургских повестях» Гоголя // Знание. Понимание. Умение. М., 2009. № 3. – С. 150-153.
2. Каримова Е.С. Загадка композиционного единства «петербургского» сборника Н.В.Гоголя // Мир науки, культуры, образования. Раздел 2. Филология. Искусствоведение. Горно-Алтайск, 2011. № 4(29). – С. 102-104.

Научные статьи:

3. Каримова Е.С. Гоголевская концепция современной цивилизации: «петербургская» тема в интерпретации писателя // Аспирант, или молодое поколение ученых: научно-практический альманах аспирантского сообщества. Оренбург: ОГПУ, 2007. № 2. – С. 35-40.
4. Каримова Е.С. Поэтика исповеди в «Петербургских повестях» Н.В.Гоголя (на примере повестей «Записки сумасшедшего», «Портрет»)/ Язык как средство межкультурной коммуникации: материалы международной конференции. Оренбург: ОГПУ, 2007. Т. 2. – С. 170-181.
5. Каримова Е.С. Поэтика хронотопа в «Петербургских повестях» Н.В.Гоголя // Интеграция науки и образования как условие повышения качества подготовки

- специалистов: материала XXIX преподавательской научно-практической конференции. Оренбург: ОГПУ, 2008. – С. 54-64.
6. Каримова Е.С. Поэтика заголовочного комплекса петербургского сборника Н.В.Гоголя // «Нужно любить Россию...»: сб. по материалам межрегиональной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В.Гоголя. Оренбург: ОГПУ, 2009. – С. 31-38.
7. Каримова Е.С. Мистериальное начало в поэтике «Петербургских повестей» Н.В.Гоголя // Гоголь и мировая культура: сб. по материалам международной научной конференции. Гоголевский сборник Вып. 3(5). СПб.; Сам: ПГСА, 2009. – С. 328-337.
8. Каримова Е.С. К интерпретации гоголевской антропонимики: традиции и перспективы (на примере «Петербургских повестей») // Гоголь и русская литература. Девятые гоголевские чтения: сб. докл. междунар. науч. конф. М.: АНО «Фестпартнер», 2010. – С. 180-186.

Подписано в печать «27» октября 2011 г.
Формат 60х84/16 Бумага офсетная. Печать оперативная.
Объем 1, 27 п. л. Тираж 100 экз. Заказ № 3032
Отпечатано в типографии «Алла Принт»

